Маркс

Самодержавие и сколки подсудимых

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
HA35
M328

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

N I/67 Мартов, Л.

САМОДЕРЖАВІЕ

ЦА35 М328
600 1930

НА

СКАМЬѢ ПОДСУДИМЫХЪ.

(*Отдѣльный оттискъ изъ „ИСКРЫ“*).

Изданіе
ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА
Р. С.-Д. Р. П.

3-й экз.

1904

К.

Ц А35
М328
4-867

У 81

САМОДЕРЖАВІЕ НА СКАМЬѢ ПОДСУДИМЫХЪ.

Тов. Леонъ Гольдманъ, организаторъ русской типографіи «Искры», сказалъ въ своей замѣчательной рѣчи передъ судомъ одесской палаты: «Когда наступаетъ время, что правительству приходится судить народъ—это значитъ: созрѣлъ моментъ, когда народъ долженъ посадить на скамью подсудимыхъ свое правительство!».

Народъ,—то есть, толпа, масса, дѣйствительно, превратилась уже въ постояннаго подсудимаго; не проходитъ недѣли, чтобы царскіе судьи не имѣли дѣла съ такъ называемыми «преступленіями толпы»,—преступленіями, въ которыхъ передъ лицомъ «правосудія» фигурируютъ наудачу, наобумъ выхваченные рядовые этой толпы, простыя единицы въ рядѣ имъ подобныхъ. Это не «герои», это даже не «первыя ласточки», возвѣщающія о приближающейся веснѣ: это въ подлинномъ смыслѣ слова люди массы, и каждый десятокъ такихъ людей, брошенныхъ на скамью подсудимыхъ, представляетъ собою на ней тысячныя и десятитысячныя толпы такихъ же «середняковъ», потому только не занявшихъ мѣста на той же скамьѣ, что у «правосудія» не хватило рукъ на всѣ шивороты, не хватило тюремныхъ камеръ для всѣхъ «виновныхъ», потому, наконецъ, что эта «преступная» толпа въ цѣломъ должна ходить на свободѣ хотя бы для того, чтобы своимъ трудомъ кормить то самое общество и государство, во славу котораго судятъ и караютъ ея сыновей.

Когда крестьяне цѣлыми уѣздами устраиваютъ «безпорядки», когда сотни тысячъ рабочихъ бросаютъ работу и заливаютъ улицы городовъ, правительство, выхватывая изъ толпы наудачу десятки и сотни обвиняемыхъ, въ ихъ лицѣ судитъ всю толпу, весь народъ.

Но, прежде чѣмъ этотъ народъ успѣетъ превратить правительство въ подсудимаго, каждый судъ надъ участниками того или иного акта происходящей въ Россіи политической драмы неизбѣжно превращается въ судъ надъ самодержавіемъ.

Иностранная печать сообщаетъ отчеты о ходѣ процесса Кишиневскихъ громилъ—грандіознаго процесса съ сотнями обвинямыхъ и свидѣтелей, съ десятками адвокатовъ, грозящаго затянуться на много мѣсяцевъ. Эпилогъ той трагедіи, которую самодержавію надо было поставить на сцену, чтобы замедлить шествіе революціи, этотъ процессъ не могъ не превратиться въ судъ надъ правительствомъ. Этому не могли помѣшать закрытыя двери, этого нельзя было предотвратить

плутнями предварительнаго слѣдствія и нарушеніями закона во время слѣдствія судебнаго. *)

Напротивъ. Чѣмъ болѣе дѣятели «правосудія» пытались заткнуть всѣ щели, чтобы не дать прорваться истинѣ, тѣмъ скандальнѣе для нихъ эта истина выходитъ наружу въ ходѣ перекрестнаго допроса свидѣтелей. На скамью подсудимыхъ брошены рядовые изъ той толпы, которая подъ руководствомъ правительственныхъ агентовъ громила и убивала въ дни 6 и 7 апрѣля. Дѣйствительные вожаки этой Варѳоломеевской ночи отсутствуютъ на этой скамьѣ, но ихъ приходится допустить въ роли свидѣтелей. Палата запрещаетъ, вопреки всѣмъ законамъ, касаться роли въ погромѣ лицъ, не привлеченныхъ къ суду, т. е. истинныхъ вождей погрома, умышленно устраненныхъ отъ обвиненія, но этотъ запретъ не можетъ остановить потока разоблаченій: пришлось бы останавливать каждаго свидѣтеля, показывающаго подъ присягой, и, какъ ни старается Палата, изъ-за спинъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ поденщиковъ и босяковъ передъ присутствующими то и дѣло встаютъ мрачныя тѣни дѣйствительныхъ двигателей невѣжественной толпы: застрѣлившійся нотаріусъ Писаржевскій, милліонеръ Пронинъ, студентъ Малай, членъ управы Синадино, цеховой старшина Степановъ и его патронъ по редакціи «Знамени»—безсмертный Крушеванъ. Одни изъ нихъ составляли прокламаціи, въ которыхъ масса приглашалась убивать евреевъ и ей гарантировалось содѣйствіе войскъ и покровительство полиціи; другіе распространяли по трактирамъ эту «литературу», третьи шли во главѣ толпы и подбивали ее къ болѣе широкому размаху производимыхъ ею злодѣяній; четвертые словомъ и перомъ агитировали послѣ погрома въ цѣляхъ извращенія истины, обѣленія виновныхъ и перенесенія вины на самихъ пострадавшихъ. Пронинъ, уличенный въ составленіи одной изъ прокламацій, прославляющихъ героевъ погрома, оказывается тѣмъ самымъ «почтеннымъ обывателемъ», который съѣздилъ къ Іоанну Кронштадтскому и «убѣдилъ» его въ винѣ самихъ пострадавшихъ евреевъ во всемъ случившемся. Читатель помнитъ, что подъ вліяніемъ разсказа этого «почтеннаго» убійцы Кронштадтскій чудодѣй написалъ въ «Знамени» покаянное письмо, въ которомъ бралъ назадъ высказанное имъ сначала сочувствіе пострадавшимъ и объявилъ ихъ истинными палачами, а громилъ—дѣйствительными жертвами. Какими земными благами кудесникъ Кронштадтскій былъ соблазненъ къ освященію именемъ Христа гнусныхъ насилій—неизвѣстно; можно только сказать, что онъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ «работу» православнаго духовенства въ Кишиневскомъ погромѣ: представители церкви, какъ выяснено судомъ, были

*) Телеграфъ принесъ извѣстіе, что гражд. истцы, въ концѣ концовъ, были вынуждены покинуть залъ засѣданія, въ видѣ протеста противъ безчисленныхъ нарушеній закона.

въ числѣ подстрекателей къ насиліямъ. Но лучше всего выяснена судомъ роль полиціи. Одинъ за другимъ проходятъ передъ судьями полицейскіе чиновники, бывшіе либо организаторами погрома, либо подстрекателями толпы на мѣстѣ буйства, либо попустителями самыхъ звѣрскихъ преступленій. Всѣ они начинаютъ съ обвиненія евреевъ въ томъ, что тѣ первые нападали ца христіанъ, задѣвали ихъ и тѣмъ вызвали кровавый день 7 апрѣля. А затѣмъ либо очная ставка съ свидѣтелями пострадавшими, либо обличеніе со стороны одного изъ подсудимыхъ—выясняютъ истинную роль всѣхъ этихъ полицейскихъ героевъ, этихъ «защитниковъ порядка»,—гнусную роль хладнокровныхъ подстрекателей разгоряченной толпы. Помощникъ пристава Задорожный, приставъ Соловкинъ, помощникъ полицмейстера Довгаль, жандармскій полковникъ Ханженковъ, вице-губернаторъ Устроговъ—всѣ они, не говоря о мелкой сошкѣ, городовыхъ и околодочныхъ,—уличены въ умышленномъ бездѣйствіи при видѣ убійствъ, происходившихъ на ихъ глазахъ, а нѣкоторые, сверхъ того, въ активномъ подстрекательствѣ тѣхъ, кто стоялъ «безъ дѣла», не участвуя въ грабежѣ. Начальникъ 10,000 гарнизона генералъ Бекманъ смущенно молчитъ, когда его спрашиваютъ, почему онъ не употребилъ войска на защиту убиваемыхъ, а рядомъ съ этимъ и частныя лица, и даже чины полиціи свидѣтельствуютъ, что солдаты расхищали имущество изъ разгромленныхъ квартиръ... А затѣмъ идутъ дѣятели «правосудія». Одни—судебный слѣдователь Радзевичъ—находились въ качествѣ сочувственныхъ зрителей въ толпѣ, окружавшей погромщиковъ; другіе—много ихъ было!—вели слѣдствіе и—во славу г. Плеве—систематически подавляли истину, не записывали показаній, компрометирующихъ «интеллигентныхъ» участниковъ бойни, застращивали свидѣтелей—слѣдователь Фрайнатъ и допрашивалъ то нѣкоторыхъ съ нагайкой въ рукѣ!

Все, что говорила о Кишиневскомъ погромѣ оппозиціонная, революціонная и иностранная печать,—все подтвердилось. Все, что въ опроверженіе ей писали реакціонныя газеты и правительство въ своихъ сообщеніяхъ,—все оказалось лживымъ. Отрицали истязанія надъ убиваемыми, надругательства надъ трупами: всѣ факты, сообщенные раньше въ печати, подтверждаются на судебномъ слѣдствіи. Всѣ басни о вызывающемъ поведеніи евреевъ опровергнуты, отчасти показаніями самихъ полицейскихъ. И въ довершеніе всего, правительственный разсказъ о фактической сторонѣ дѣла—о началѣ погрома оказался злостно-вымышленнымъ въ томъ именно пунктѣ, который тотчасъ же въ свое время оспорили наши Кишиневскіе товарищи (см. брошюру «Кишиневская бойня»): именно, разсказъ о томъ, что еврей—хозяинъ карусели ударилъ христіанскую женщину и это якобы послужило поводомъ къ погрому. Удостовѣрено, какъ и утверждали наши товарищи, что карусели, по распоряженію полиціи, были закрыты, и на площади ев-

реевъ не было. Характерный примѣръ «достовѣрности» правительственныхъ сообщеній!

Темные, безсознательные выполнители замысловъ полицейскаго правительства сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а истинные виновники, хоть и изобличенные судомъ, разумѣется, останутся на свободѣ. Но фактически они, а въ ихъ лицѣ весь самодержавный режимъ, являются подсудимыми въ этомъ грандіозномъ процессѣ. Кишиневскій процессъ сорвалъ еще одинъ фиговый листокъ съ царскаго правительства, и оно стоитъ передъ страной, которая узнаетъ подробности, выясненныя слѣдствіемъ во всемъ отвратительномъ ужасѣ своей истинной природы, природы бандита, запятнаннаго самыми гнусными преступленіями.

Но что всего знаменательнѣе въ томъ, что разоблачено въ Кишиневскомъ процессѣ, это, на нашъ взглядъ, политическая подкладка бойни 6—7 апрѣля. Какъ ни старались задушить истину, она и въ этомъ пунктѣ прорвалась наружу. Населеніе подстрекали къ погрому, между прочимъ, и наигрывая на «вѣрноподданныхъ» чувствахъ противъ революціонеровъ, которые, конечно, оказывались «жидами». Объ этомъ прямо заявилъ на судѣ упомянутый уже милліонеръ антисемитъ Пронинъ, когда далъ такое объясненіе погрому: народъ де узналъ, что передъ Пасхой въ Кишиневѣ собрались евреи изъ разныхъ странъ и на собраніи въ синагогѣ постановили устроить бунтъ противъ правительства; натурально, народъ и пошелъ на евреевъ. Какъ ни геніально-остроумно въ устахъ почтеннаго буржуа это объясненіе погрома, оно, несомнѣнно, задѣваетъ одну изъ существенныхъ сторонъ организованной полиціей травли, подготовившей погромъ. Недаромъ выяснено (въ «Освобожденіи»), что режиссеромъ этой бойни былъ жандармскій баронъ Левендаль, поставившій для этой цѣли охранное отдѣленіе въ мирномъ въ политическомъ смыслѣ Кишиневѣ! Не даромъ присяжный повѣренный Карабчевскій могъ представить суду картину, ходившую по рукамъ передъ погромомъ и изображавшую сцену убійства христіанки евреями для употребленія крови,—картину съ надписью: «расправляйтесь подобнымъ же образомъ съ жидовскими соціальдемократами»! Какъ рельефно въ этой картинѣ съ ея надписью вырисовывается обликъ того самодержавія, которое одновременно разнуздываетъ не вымершія еще мрачныя силы отжившей старины и бросаетъ въ населеніе сѣмена современной «европейской» травли соціализма! И какъ ясно встаетъ передъ нами движущая сила всей этой аранжированной жандармами и по жандармски подлой бойни—политическая борьба издыхающаго самодержавія съ его главнымъ, смертельнымъ, непобѣдимымъ врагомъ—классовымъ движеніемъ русскихъ, еврейскихъ и иныхъ пролетаріевъ.

Ради продленія жизни насквозь прогнившаго режима, жрецы самодержавія заклали десятки мирныхъ бѣдняковъ въ дни 6 и 7 апрѣля прошлаго года. Ради охраненія его «добраго

имени» министерство россійскаго правосудія превратило убійство одной женщины агентами царской власти, убійство, извлеченное на свѣтъ божій «бунтомъ» тихорѣцкихъ рабочихъ, въ крупное политическое дѣло, въ тяжбу между царской бюрократіей и всѣми честными людьми въ Россіи. Ради спасенія одного судебнаго слѣдователя правительство развило по дѣлу Золотовой столько грязной лжи, что оказалось, въ концѣ концовъ, вынужденнымъ обѣщать публикѣ полное и всестороннее раскрытіе истины. Пресловутое слѣдствіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бурцева, казалось, успокоило умы, и даже либеральныя газеты признали, что Золотова умерла «по неизвѣстной причинѣ», безъ прямого или косвеннаго содѣйствія мѣстныхъ самодержцевъ. Но «внутренняя политика» властно требовала, чтобы, по успокоеніи умовъ, были наказаны пролетаріи, «бунтовавшіе» противъ несомнѣннаго для нихъ факта убійства арестантки. Эта аппеляція оскорбленнаго полицейскаго величества къ «правосудію» опять бросила самодержавіе на скамью подсудимыхъ Запрещеніе касаться обстоятельствъ смерти Золотовой—это по дѣлу о безпорядкахъ, вызванныхъ этой смертью!—вызвавъ протестъ и демонстрацію защитниковъ, свело на нѣтъ всю юридическую ловкость дѣйств. статскаго совѣтника Бурцева, всю политиканскую мудрость помогавшихъ правительству въ «успокоеніи умовъ» либеральныхъ органовъ. Публика узнала снова, что хотя, по увѣренію правительства, съ дѣломъ Золотовой все обстояло благополучно, но въ этомъ дѣлѣ все же есть нѣчто, что нужно скрывать!

Отъ дождя да въ воду! Вотъ девизъ политики Плеве! Спасаясь отъ пролетарской революціи, вызвать средневѣковый походъ на евреевъ и поднять всемірную бурю негодованія; чтобы утишить эту бурю, бросить на скамью подсудимыхъ темныя жертвы безсовѣстнаго подстрекательства и—оказаться рядомъ съ ними на этой скамьѣ въ качествѣ уличеннаго коновода и организатора; ради спасенія одного чиновника, а въ его числѣ принципа бюрократическаго самодержавія, попытаться затушить уголовное дѣло и вызвать такую огласку этого дѣла, которая лучше всякой агитаціи подрываетъ этотъ принципъ; чтобы справиться съ этой агитаціей, блеснуть передъ обывателемъ золотымъ шитьемъ мундировъ всего вѣдомства юстиціи и кончить тѣмъ, чтобы на процессѣ противъ семи рабочихъ обнаружить, какая грязь за этими мундирами скрывается, а тѣмъ самымъ паки и паки скомпрометировать свои принципы... Вотъ она, современная внутренная политика, политика того выродившагося симодержавія, которое формально еще судитъ «свой» народъ, но фактически не выходитъ изъ роли самаго главнаго, самаго преступнаго и всегда уличаемаго подсудимаго!

4-892.

1930